

Сергей САМОЙЛЕНКО

*

В небо зарыта игральная кость.
В воду забит нержавеющий гвоздь.
День обращается в вечер.
В отполированной шляпке гвоздя
отображается запах дождя,
и отражается ветер.

В сквере играет квартет домино.
Двигается глухонемое кино
по направлению к ночи.
Четверо плотников строят ковчег,
вспять обращая течение рек;
труд их почти что окончен.

В небе восходит игральная кость.
Зреют созвездья, зажатые в горсть,
и на табло гороскопа,
на концентрических складках воды
мелом начертаны знаки беды
и вероятность потопа.

Гвозди забиты в игральную грань.
Голубь летит сквозь горящий экран
и возвращается снова.
Сфера старательно вписана в куб,
и отражается в шелесте губ
профиль летящего слова.

*

Я мог бы в цветущую воду входить дважды
или дыханием воспламенить камень,
и питьевой кислотой утолять жажду,
и наложением рук врачевать память.

Я мог бы движением губ поднимать ветер
или усилием мысли сдвигать горы,
и разносить мог бы благие вести,
и за одну ночь возводить город.

Или писать на наждачной бумаге оды
о недостатке гражданской отваги в душах,
или засеять калёным зерном свободы,
может, шестую часть бесполезной суши.

Или в железной рубашке ходить, если
только такая форма теперь в моде,
или ходить строем и петь песни,
смирно стоять или лежать в морге.

Мертвых я б мог поднимать из земли звуком
медной трубы, а живых превращать в мрамор,
небо вспахать мог бы ручным плугом,
взглядом сметать мог бы кресты с храмов.

Жестом я мог бы опустошать страны
и повергать в милость народ целый,
и исцелять солью стальной раны,
и назначать крови чужой цену.

**Дым коромыслом, пир горой,
высокий ток бежал по жилам,
мешая с кровью голубой
коньяк дешёвого пошиба.**

**Когда ж февраль, кривой в дугу,
остановился — было поздно,
и лопнул в головном мозгу
холодный пламень високосный.**

**Ударил воронёный грай,
раздался звон в небесном граде,
и жизнь перешагнула грань
безумия и благодати.**

**Отцвели уж давно на верандах резных граммофоны,
паутиной затянута раструбы мёртвых цветов,
и пчела, проникая в опальное полое лоно,
не отыщет ни тени, ни эха былых голосов.**

**И смущенная этой оплошностью, пыль вековую
ворошит и, на край заскорузлой пластинки присев,
хоботок наугад погружает в бороздку немую,
и взлетает поспешно, молчания не одолев.**

**Опылять этот медный гербарий — последнее дело.
На отпетых верандах той музыки нет и следа.
Открылась пластинка, тупая игла отхрипела,
и сезон медосбора закрыт в заповедных садах.**

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ДОЖДЕ

1

В летнем городе на ощупь рыщет дождь подслеповатый,
натываясь на прохожих, говорит: «пардон, мадам!»
То обрушится на площадь, то займётся променадом,
то мурашками по коже пробежится по прудам.

Он шатается, как пьяный, он как стёклышко тверёзый.
Баб хватает за лодыжки, дев страшит: «вот я вас!»
Гроыхнет, как фортепьяно, окропит на клумбе розы,
наиграет чижик-пыжик, напоёт собачий вальс.

Хулиган и тунеядец, от него немного проку.
Он бы хлынул что есть мочи, но ему стараться лень.
Тунеядцу что за радость мыть проезжую дорогу
в день на редкость нерабочий, голубой, как бюллетень.

Кот наплакал всей-то влаги — лишь на водяные знаки.
Отсырел небесный ситчик да хрусталик запотел.
Скачут капли по бумаге, будто блохи на собаке:
двоеточие, кавычки, тчк и зпт.

2

Барабанит, как по нотам, крупной дробью по зонту.
Изрыгают водостоки пузырящийся буль-буль.
В музыкальную погоду в незапамятном году
я имел сырые ноги весь июнь и весь июль.

Жизнь назад в такой же ливень без плаща и без калош
я слонялся по бродвею от театра до реки,
молодой и несчастливый, в полосатых брюках клёш.
Написать бы эпопею, жалко, руки коротки.

Шум воды и вопли ВИА и свечение лица
затихают постепенно, умножаемы на ноль.
Написать, да где же Клио? Остаётся без конца
пить из чашечки коленной ревматическую боль.

Неспроста в суставах старых набирает силу соль.
Вряд ли к счастью бьётся сердце, не ахти какой хрусталь.
Под ударник и гитары в горсаду дают гастроль
два залётных песнопевца — россиньоль и нахтигаль.

*

Мы пьём забродившее время и держим стаканы
с горячей апрельской лазурью на уровне глаз.
Прищурившись, смотрим сквозь воздух гранёный, стеклянный,
и долгие гласные цедим, хмелея, смеясь.

Смеясь и хмелея, глядим друг на друга и мимо
сквозь пристальный воздух, сквозь призму слепого дождя.
У слов нет значенья и смысла, у пламени — дыма,
и вечер — не дружба ещё, но уже не вражда.

Случайная встреча продлится, быть может, до гроба.
От неосторожного смеха рождается гром.
Созвездья кишат, как в прозрачной пробирке микробы.
Мы сходим с ума понемногу, глоток за глотком.

Мы заболеваем, раскутывай шарф прошлогодний!
Головокруженье нас с ходу берёт в оборот.
Прошедшего времени не существует сегодня,
жизнь сдвинулась с места, и начался ледоход.

И нам остается лишь, пальцы разжав, удивиться,
как нехотя падает на пол стакан, и смотреть,
как долго, как медленно падает, чтобы разбиться,
и вдребезги бьётся, ещё не успев долететь.